

№ 1 (68), 2012
ЯНВАРЬ

НАУКА@ ТЕХНИКА

Science & Technology

ЭКЗОСКЕЛЕТЫ

СТРЕЛЯЮЩИЕ НОЖИ

ЗРК «ROLAND»

ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ

НЕМЕЦКИЙ КУРС НА РОССИЙСКОЕ УСКОРЕНИЕ

Сергей Аксентьев

Московской Библиотеке
им. М.В. Ломоносова
с благодарностью за статью
27.01.2012

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЕРЕЩАГИН

ЧАСТЬ II. ЗИГЗАГИ СЛАВЫ

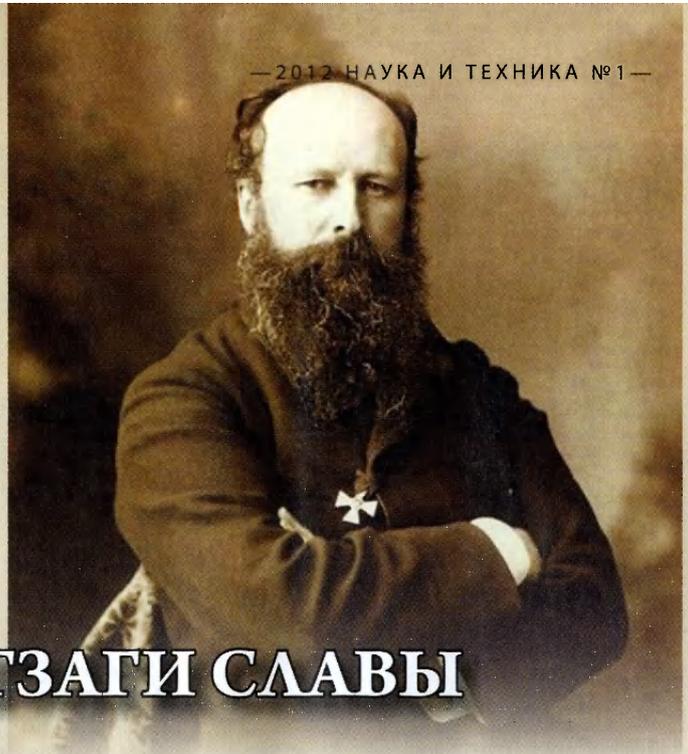
Слава, обрушившаяся на Верещагина в конце 70-х годов XIX века после демонстрации Туркестанских, Балканских и Индийских картин на персональных выставках в России и Европе, сменилась полосой неудач, утрат и разочарований.

ТРУДНЫЕ ГОДЫ

Началось с венского Кюнстлерхауза, где Василий Васильевич в конце октября 1885 года представил австрийской публике около полсотни картин произведений, в том числе и только что законченные «Евангельский цикл» из шести картин и две картины из задуманной «Трилогии казней». Посетивший экспозицию кардинал Гангльбауер нашел «Святое семейство» и «Воскресение Христово» богохульными и потребовал либо немедленно убрать их из экспозиции, либо закрыть выставку. Верещагин наотрез отказался. Тогда разгневанный князь-архиепископ опубликовал в газетах письмо, обвиняя художника в профанации, подрыве веры «в искупление человечества Воплотившимся Сыном Божиим» и призвал паству не принимать участия в этом кощунстве. Скандал только подогрел любопытство обывателей. Народ повалил на выставку толпами.

Активизировались и фанатики. Один облил картину «Воскресение Христово» серной кислотой, другой, являясь представителем публики, сжег евангельские картины. Власти австрийской столицы привлекли Верещагина к суду за самовольную продажу фотографий с крамольных картин. Суд признал его виновным, избрав мерой наказания суточный арест, замененный штрафом. Некие темные личности настойчиво пытались узнать адрес проживания художника. Дело принимало серьезный оборот. Вполне вероятно, что трагической развязки удалось избежать благодаря своевременно предпринятым мерам со стороны влиятельной в лондонских дипломатических кругах давней знакомой Верещагина — госпожи Ольги Алексеевны Новиковой, близкого друга премьер-министра Великобритании Уильяма Гладстона. Художник срочно уехал в Лондон, где пробыл около месяца, пока не утих религиозный ажиотаж вокруг выставки. По возвращении в Вену 22 декабря 1885/3 января 1886 года он пишет в Maisons-Laffite успокоительное письмо Елизавете Кондратьевне: «Я здоров, картины укладываются. Какой-то сумасшедший все спрашивал мой адрес. Переложил револьвер из заднего кармана в боковой — будь покойна. Они мне делают дешевые объявления».

Отголоски венского скандала докатились и до России. Управление иностранной цензуры потребовало изъять из обращения

каталог Венской выставки, фотографии картин и брошюры с изображениями «Святого семейства» и «Воскресения Христова».

Отчаянная травля художника, долго не утихавшая и после закрытия венской выставки, оставила тяжелый след в его душе, о чем поведал российским читателям «Художественный журнал», перепечатав интервью Василия Верещагина корреспонденту одной из немецких газет: «Борьба против патеров одному человеку не по силам... Патеры умны как змии, они умеют предать дело в таком виде, что ныне я уже лишился части своей художественной славы, ... и найдутся даже люди, которые готовы под присягой заявить, что я сошел с ума. Своих картин религиозного содержания я в католических странах выставлять более не буду. Того, что пришлось мне испытать в Вене, вполне достаточно».

Не ладилась и семейная жизнь. В Мюнхене, куда коллежский регистратор Василий Верещагин прибыл на три года «по высочайшему повелению, сообщенному в отношении главного штаба за № 554 от 5 декабря 1870 г., для издания альбома картин Туркестанского края, с сохранением содержания по 3000 руб. в год», он знакомится с художником Теодором Горшельтом. Знакомство, переросшее в дружбу, оборвалось неожиданной смертью Горшельта, успешного, правда, сделать Верещагина правопреемником своей великолепной студии. В том же доме, где размещалась мастерская, в семье маляра Антона Рида проживала пятнадцатилетняя падчерица Лиза (Элизабет Мари Фишер). Юная особа пленила сердце Василия и, несмотря на четырнадцатилетнюю разницу в возрасте, они вступили в гражданский брак, который оформили венчанием в церкви лишь спустя одиннадцать лет. По поводу этого венчания Василий Васильевич 26 апреля/8 мая 1882 года из Гамбурга просит содействия у Владимира Васильевича Стасова: «Не знаю, писал ли я Вам, что скоро обвенчаюсь с Елизаветой Кондратьевной — боюсь, что милые родственники обдерут ее до юбок, коли помру (Верещагин только что перенес сильнейший приступ лихорадки — С.А.), ... не легче ли повенчаться в России без формальностей? Черкните поскорее пару слов, собравши справки». Венчание состоялось в Вологде. При этом пришлось скрыть от священника, что Елизавета католичка. И вот после семнадцати лет совместной жизни отношения супругов начали стремительно портиться. Окончательный разрыв произошел в январе 1890 года. Причины его неизвестны. Но процесс взаимных упреков и претензий длился еще почти три года. В письме от 18 января 1893 года к киевскому меценату Ивану Николовичу Терещенко, ценителю творчества Василия Вереща-

гина, художник признается: «...Кроме всех бед, что у меня как Вы знаете были, ...у меня есть еще семейное тяжелое дело, которое давно уже тянет из меня жилы, не знаю скоро ли кончится, хотя надеюсь кончится, наконец, и тогда я вздохну свободно. Писать об этом нельзя, но при свидании, когда-нибудь скажу...» (Публикуется впервые, хранится в рукописном фонде Киевского национального музея русского искусства).

Неопределенность бесила Верещагина. Дело в том, что еще в 1889 году, во время демонстрации своих картин в США, сорокасемилетний художник сошелся с двадцатитрехлетней пианисткой Лидией Андреевской, выступавшей аккомпаниатором в залах, где размещались полотна живописца. Когда стало ясно, что Лидия Васильевна ждет ребенка, они вступили в гражданский брак, в котором и пребывали почти пять лет, до официального развода Верещагина с Елизаветой Фишер 7 июля 1893 года.

Покончив с семейными неурядицами, пришлось вступить в новую борьбу. На этот раз с ответственным сотрудником суворинской газеты «Новое время» Федором Ильичем Булгаковым, предложившим написать о Верещагине монографию. Тот согласился и выслал ему заметки с откликами зарубежных и российских газет на выставки, фотокопии многих полотен. Издание под разными предлогами затягивалось. В конце 1894 года Булгаков, мотивируя трудностями разного характера, предложил издать не солидную монографию, на которую рассчитывал Василий Васильевич, а альбом с копиями картин, снабженный кратким пояснительным текстом. Верещагин негодует: «Вы помните, с каким вниманием и предупредительностью я отнесся к Вашему предложению. Я думал: вот человек трудолюбивый, не без средств, который возьмет на себя развернуть перед обществом громадный, гигантский труд мой за 24 лет (так в тексте — С.А.), в продолжении которых я работал над историей, жанром, пейзажем, архитектурой и батальями... будя мыслью всю Европу и с нею весь мир. Я полагал, что Вы проникнетесь важностью предпринятого труда, поймете, что явление такого художника — незаурядное, что Вам предстоит труд и честь выяснение достоинств и недостатков одного из людей, составляющих гордость всей земли — таковым я себя считаю. ...И что же, после огромного промежутка времени получаю от Вас предложение выпустить для исправления ваших обстоятельств альбом копий с моих работ лишь с коротеньким текстом — а после видно будет...».

Монография «В.В. Верещагин» все же появилась на свет. Российский журнал «Исторический вестник» откликнулся на нее статьей В.С. Росоловского «В.В. Верещагин и его произведения». Обозреватель в частности отмечал: «Нельзя указать на другого художника, который бы так много говорил, писал и печатал о самом себе, как В.В. Верещагин, страдающий субъективностью и сводящий значение всех собратий к нулю». Реакция живо-

«Наполеон на Бородинских высотах». 1897 г.

В покоренной Москве («Поджигатели» или «Расстрел в Кремле»). 1897-1898 гг.

писца на этот выпад последовала незамедлительно. «Статья, кажется в «Историческом вестнике», — с возмущением пишет он Булгакову из Севастополя, — сильно рекламирующая Ваше издание, уверяет, что по имеющимся у автора сведениям, я не признаю никаких заслуг, кроме своих, высочайшего мнения о себе и т.д. Так как в этой статье есть сведения, которые я сообщил только Вам, Федор Ильич, то я полагал, что Вы сообщили содержание писем, давших повод заключить о моем самомнении».

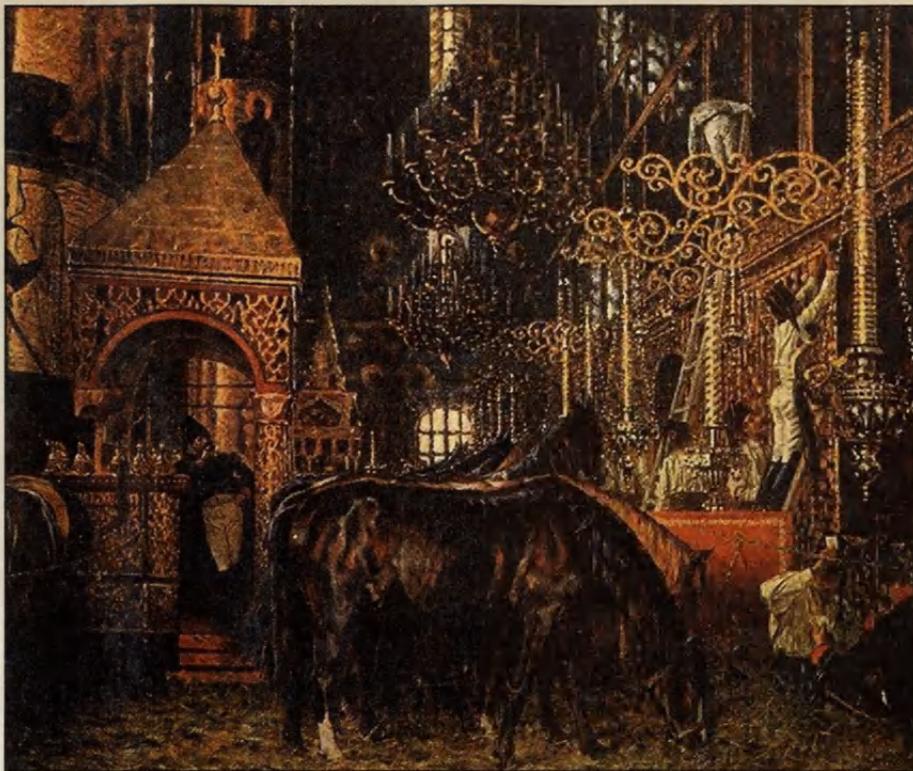
Горькое разочарование вызвала у художника и холодность, с которой приняли Московские (1895, ноябрь-декабрь) и Петербургские (1896, январь-февраль) ценители искусства выставку «1812 год». Первые десять полотен, в которые он вложил колоссальный труд, душу и немалые средства, оказались не востребованными в обеих столицах. Павел Михайлович Третьяков не взял ни одного, царская семья вообще проигнорировала предложение приобрести картины. Даже Стасов не откликнулся на его просительное письмо поддержать выставку в российской печати. Он

посетил петербургский салон, но экспозиция его разочаровала. Поощадив «Васюту», Владимир Васильевич не стал давать публичной оценки картин, а свое отношение к увиденному изложил в письме скульптору Марку Матвеевичу Антокольскому. «... Идет у нас теперь здесь выставка Верещагина, — пишет он приятелю, — и никто, решительно никто, кроме «Новостей» ... никто не на стороне Верещагина! Да и нельзя. Техника, работа сильно у него понизились. Что-то выступило черное, довольно мрачное, скучное и неприветливое...».

Еще раньше он так же невысоко оценил и Евангельский цикл картин. «Я все эти картины уже знаю, — сообщает он И.Н. Крамскому, — и, кроме немногих исключений, ... мало одобряю. По-моему, Верещагин к «историческим» картинам вовсе не способен». Это был сильный удар по самолюбию художника. Однако Верещагин не думал сдаваться. Он шлет письма президенту Академии художеств великому князю Владимиру Александровичу и президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу, пытаясь указать на беспочвенность обвинений в искажении правды на картинах «1812 года» и образа французского императора Наполеона I. Ссылаясь на документы, цитируя выдержки сподвижников Бонапарта, в том числе и тех, кто шел рядом с ним пешком по зимней смоленской дороге, художник доказывает сановным сиятельствам непогрешимость истине. Тщетно. Оба письма остались без ответа.

Тогда Верещагин решает обходным маневром добиваться желаемой цели, заручившись поддержкой общественности в крупных провинциальных российских городах и за рубежом. Лучше всего для осуществления задуманного, как он считал, подходили южные провинции. Резон был прост: нашествие наполеоновских войск обошло стороной эти окраины, значит, в местных элитах и в простых обывателях нет той чувственной обостренности к трагическим событиям 1812 года. А имя его, гремевшее за рубежом, уже само по себе должно вызывать почтение перед великим мастером, удостоившим вниманием неизбалованную провинцию.

Но организация выставок — дело хлопотное, требующее больших денег, а их на тот момент у Верещагина в достаточном количестве не было. Наступив в очередной раз на свое самолюбие, он 17 февраля 1896 года обращается к Павлу Михайловичу Третьякову, с просьбой одолжить 5-6 тысяч рублей до лучших времен. Меценат с ответом не задержал. «Простите, что я прямо объясняюсь, — сообщает Павел Михайлович, — деньги дать займы мне не подходит. Я никому не даю. Мне 64 года, здоровье слабеет, желаю, чтоб после смерти не было никаких неоконченных счетов...». Верещагин в резких тонах отчитывает Третьякова, у которого в это время тяжело болела жена: «Надобен, чтобы Вы, Павел Михайлович Третьяков, были очень удручены, и болезнью и расположением мыслей, чтобы ответить мне В.В. Верещагину, что нужных мне в настоящую минуту 5000 рублей не можете дать, потому что стареетесь и боитесь после смерти Вашей оставить незаконченные счета. ...Денег у Вас я более не прошу и не возьму, если бы Вы даже предложили мне, картин моих предлагать Вам тоже не хочу. ...Аминь!». И в пику несговорчивому меценату самоуверенно заявляет: «...ведь я всегда достану денег, сколько мне нужно на пропитание, а в Лондоне или Нью-Йорке и вовсе растуруюсь».

«В Успенском соборе». Из цикла «1812 год»

... Достает — и с марта 1896 года начинает грандиозный пятилетний цикл показа своих картин в южных провинциях России и в Европе.

ВЫСТАВКИ, ВЫСТАВКИ, ВЫСТАВКИ...

Следить за перемещениями Верещагина сложно. Он, как правило, даже близким людям не сообщал своих конкретных намерений, а тем более сроков пребывания в том или ином месте. Систематического дневника не вел. Поэтому хронологию событий приходится выстраивать по датам его переписки. Такая поведенческая закрытость художника отчасти объясняется его характером, а отчасти, по-видимому, несвободой, вызванной некими, пока не выясненными, обстоятельствами.

Незгоды последних лет основательно расшатали нервы Верещагина. Врачи рекомендуют безотлагательно отправиться на отдых к морю. Лучше всего в Крым. О благодатной крымской природе и чудном море еще в начале 90-х годов Верещагину в письмах из Ялты рассказывал Иван Николович Терещенко, долгое время находившийся там на излечении. Поначалу эти сообщения Василия Васильевича не особенно трогали. «Думаю, что в Крыму да еще на хорошей даче да еще на самом берегу моря должно быть хорошо, — пишет он Терещенко 1 мая 1892 года, — хотя сознаюсь что «ala longue», море мне тоскливо» (публикуется впервые, подлинник хранится в рукописном фонде Киевского национального музея русского искусства). Теперь же с врачами приходится соглашаться, но прежде нужно показать полотна «1812 года» в Харькове. Выставка там открылась в марте 1896 года. В середине апреля, отправив полотна в Киев, Верещагин прибыл в Севастополь, откуда, как мы знаем, пришлось уехать в подмосковные Нижние Котлы, получив известие о смерти дочери. В Крым на дачу Жуковского Магарач Верещагин вернулся в июле. Уведомляя друга семьи Василия Антоновича Киркора о постигшем горе, Василий Васильевич пишет: «...стряслась надо мною большая беда, ...моя старшая девочка, умная, острая, бойкая, заболела туберкулезом головного мозга и умерла, заразившись от своей чахоточной няни. ...Поду-

майте, это второй ребенок за один год (несколькими месяцами ранее в Мюнхене умерла Клавдия — дочь от Елизаветы Кондратьевны — С.А.), и не подивитесь, когда меня увидите, что я опустился и постарел как на несколько лет». Чтобы заглушить отчаяние, Верещагин пишет этюды крымской природы, моря, готовит к изданию литературный труд «Наполеон I в России» и... внимательно следит за откликами прессы на выставку, кочующую из одного малороссийского города в другой. Сообщения радуют: картины, в том числе и «1812 год», вызывают огромный интерес обывателей и восторженные отклики газетных репортеров, особенно в Одессе.

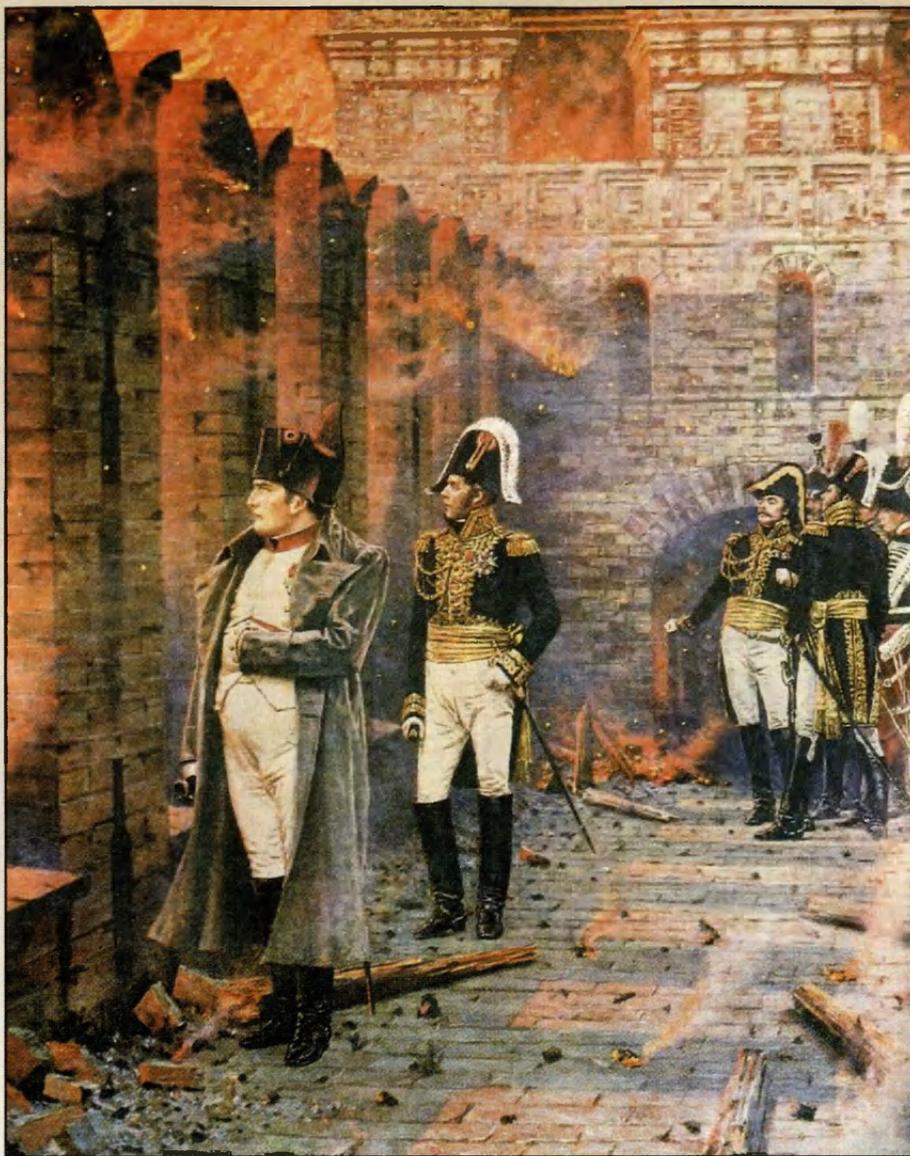
Пришла пора, решает он, показать полотна и в Европе. Зарубежное турне Василий Васильевич начинает с Парижа, отлично понимая, что тема войны 1812 года там не останется незамеченной. А чтобы возбудить интерес к предстоящему вернисажу, загодя обращается с письмом к известному французскому художественному критику Жулю Кларетти: «*Может быть, найдете несколько минут перелистать мой каталог...*». Старый приятель намек понимает и в газете «Тан» публикует статью, уведомляющую парижан о скором прибытии в столицу новой выставки известного живописца Василия Верещагина, «одного из самых оригинальных, самых чистых и самых гордых людей, каких я когда-либо встречал...».

Выставка открылась в канун нового 1897 года в стенах парижского Художественного кружка на улице Вольней. Поначалу все складывалось благоприятно. Парижские газеты в целом благожелательно оценивали новые полотна. Некоторые даже восторженно. «Редко с такою краткостью и силою, — писал, например, критик «Figaro» Arsene Alexander, — показывали шаткость славы и завлекательное безобразие войны».

Скандал разразился, когда один из членов комитета кружка Вольней усмотрел в книге Верещагина «Наполеон I в России», бесплатно прилагавшейся к каталогу выставки, оскорбление памяти великого соотечественника. Руководство потребовало прекратить распространение крамольной книги. Верещагин в знак протеста досрочно закрыл выставку и отправил ее в Берлин.

Подогретая парижским скандалом, берлинская публика с первых же дней работы выставки буквально штурмовала здание старого рейхстага. Даже император Вильгельм удостоил ее своим посещением. С любопытством осмотрев полотна «1812 год», император обратил внимание на боевой Георгиевский крест в петлице сопровождавшего его Верещагина и, видимо, желая сделать художнику приятное, пригласил его на ... строевой смотр гвардии. Ничего не оставалось, как «с благодарностью» принять приглашение и на холодном ветру отбывать долгую и утомительную процедуру.

После Берлина в выставках пришлось сделать перерыв — наступал сезон летних каникул, и вся Европа устремилась на отдых к морю. Весну 1897 года Верещагин поводит с семьей в окрестностях Севастополя у Георгиевского монастыря, а затем, отправив домочадцев в Нижние Котлы, перебирается на Кавказ. Но уже 30 июля он в Москве, чем немало удивил Павла Михайлови-

«В Кремле — пожар!»

ча Третьякова: «На днях, увидев Вас, глазам не поверил сначала, потом признал, — так был уверен по газетам, что Вы в Крыму или на Кавказе!», а неделю спустя, теперь уже из Дрездена, с присущей ему резкостью урезонирует мецената, рискнувшего справиться о судьбе сделанных недавно приобретений: «*Картины лежали летом и только теперь начали путешествие по Европе, путешествие долгое — значит, о присылке этюдов теперь не может быть и речи. ... Вы хорошо знали — да у меня так и написано в данном Вам обязательстве, — что я пришлю их по окончании всех выставок в Европе, а не выставки как Вы пишете! Вам я уступил на нескольких этюдах несколько тысяч рублей, так мне кажется, Вам не грешно бы побережь меня и не предъявлять требование, которое я не могу исполнить и которое мне крайне неприятно...*».

Из Дрездена выставка перебирается в Вену. Затем в Прагу, Будапешт, Копенгаген, Лейпциг. Продолжая работу над новыми полотнами «1812 год» в Нижних Котлах, Верещагин ревниво наблюдает за реакцией европейской публики. И едва улавливая намечающийся спад интереса к его картинам, немедленно выезжает на место, организуя публичные выступления о тенденциях современного искусства, рассказывая обывателям о своих боевых походах и поездках в экзотические страны.

(Продолжение следует)